

БЫЛИНСКИЙ П. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БЫЛИНСКИЙ Порфирий Петрович. Окончил гимназию, с 1899 — преподавал в начальной школе, с 1920 — служил священником в церкви села Милошевичи Мозырского округа. 20 августа 1931 — арестован, 13 ноября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Иркутск. В январе 1932 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<3 января 1932>

«Председателю Комитета помощи политическим заключенным.
Пешковой Е. П.

административно высланного
Былинского Порфирия Петровича

Заявление

21 августа 1930 года я был арестован и находился под стражей в Мозырском исправдоме Минской губернии БССР; 13-го ноября того же года мне было объявлено постановление Коллегии Минского ОГПУ об осуждении меня по 90 ст<атье> Уг<оловного> Код<екса> БССР на три года вольной высылки в пределы Восточной Сибири, считая срок с 25 августа 1930 г<ода>, в 29 октября 1930 г<ода> отправлен этапом в г<ород> Иркутск в распоряжение местного ОГПУ. В г<ород> Иркутск прибыл 21 ноября и по 29 сентября 1931 г<ода> находился под стражей в Иркутском изоляторе, причем 3 месяца (с 12 марта по 16 июня) почему-то содержался со строгой изоляцией, а с 17 июня по 24 сентября находился в больнице, где мне была сделана операция <...> Таким образом, вместо вольной высылки я просидел 13 месяцев в тюрьме.

29 сентября 1931 года из иркутской тюрьмы я был отправлен этапом на высылку в с<ело> Большая Кода Братского района Иркутского округа, куда прибыл 7 октября. Жизнь для меня здесь оказалась очень печальной и безвыходной, так как я человек очень бедный, никаких личных средств не имею, и помощи ни от кого ожидать не могу; на родине никакого недвижимого имущества не имел и не имею, а самое жалкое движимое имущество, вплоть до тряпья, конфисковано. Жена с февраля месяца 1931 года также лишена свободы за неисполнение насчитанного с меня за 1930 год подоходного налога за неимением средств, несмотря на то, что по постановлению ЦИК Союза ССР от 11 января 1930 года все государственные недоимки покрываются за счет конфискованного имущества, каковое и было взято у меня еще в первых числах марта 1930 года, по неизвестной для меня причине, о чем было возбуждено мною ходатайство пред Прокурором Мозырского округа, в октябре 1930 года пред Прокурором БССР, но никаких результатов не добился. На иждивении у меня было четверо нетрудоспособных детей (17, 16, 10 и 5 лет), которые остались совершенно без всяких средств к жизни и даже без крова и потому разбрелись по родственникам, каковы сами имеют очень скудные средства к существованию и никакой помощи нам оказать не могут. Физическим трудом заработать хотя бы самый необходимый кусок хлеба я положительно не могу, так как и раньше я был очень слабого здоровья, перенес в жизни много болезней. В настоящее же время постоянно страдаю ревматизмом в ногах, болью в спине, одышкой, малокровием, склерозом сердца, сухожилием кисти левой руки, общим истощением и при всем том очень боюсь холода, а соответствующей одежды и обуви не имею. Просидев же столько времени в тюрьме при самых тяжелых условиях на одном казенном пайке и перенес операцию,

я до того ослабел, и так сильно болят руки и ноги, что едва могу двигаться. Единственным для меня трудом может быть работа по канцелярии или же какая-либо легкая физическая работа, не требующая сильного напряжения и в помещении, но таковой работы здесь для меня не представляется. При таких условиях жизни приходится много страдать от голода и холода или же просить милостыню, что очень прискорбно, тяжело и обидно; даже при средствах в этой местности жить весьма трудно, когда ничего нельзя купить, а в кооперации нам ничего не отпускают; такая жизнь вызывает на самое ужасное отчаяние на самоумерщвление.

Означенное наказание и невыносимые невзгоды жизни я перенес совершенно незаслуженно, безвинно и, если можно так выразиться, за чужие грехи. На допросе мне предъявлено обвинение в том, что в ночь с 20 на 21 апреля 1930 года агентом Уголовного розыска в Милошевичской церкви Лельчицкого района Мозырского округа Минской губернии БССР, при которой я служил священником, изъято было 105 рублей разменной монеты (серебра и меди) разной ценности, которая принадлежала разным лицам и хранилась вместе с кредитными билетами в четырех местах, а именно: 1) собственно церковные деньги лежали в кассе, т.е. в ящике, прикованном к стенке, а часть их находится при свечном ящике для постоянного оборота; 2) в алтаре на окне лежало рублей около 2 мелочи и рублей, кредитками моих личных денег, поступивших при богослужении 19 августа; 3) в книжном шкафу за стеклянную дверь в бумажной коробочке хранились деньги церковного сторожа Блещука Павла, умершего 9 августа. Церковные деньги и мои были предъявлены церковным старостой и казначеем добровольно, а про деньги сторожа они или забыли, или совершенно не знали; меня же к обыску не приглашали. Участие мое в этом деле заключалось только в том, что я вел проходно-расходную книгу со слов членов церковного совета, но точного учета церковных сумм не производил и потому не мог точно знать, сколько в кассе мелочи и кредиток. Что же касается бывшего в то время недостатка на рынке разменной монеты, то про это я только слышал от крестьян, но сам свидетелем этого не был и в печати никаких распоряжений и заметок об этом не встречал, и слухов этих никому не передавал. Никакой противозаконной цели или злого умысла в собирании разменной монеты ни с моей стороны, ни церковного совета не было, так как все деньги хранились совершенно открыто и предъявлены были добровольно. Никакой задержки в размене верующими кредиток на мелочь никогда не было, несмотря на то, что в последнее время спрос на размен был очень большой. Следовательно, вся моя вина сводится к тому, что я по своей политической малограмотности не догадался посоветовать церковному совету, сдать мелочь в кооперацию. Никакого другого обвинения на допросе мне не предъявлено и такового я за собою совершенно не чувствую.

Под судом и следствием никогда не был, ни в каких контрреволюционных организациях не замешан и ни в чем противозаконном не замечен; по своему же личному убеждению вполне сочувствую Советскому строительству и в таком духе воспитывал своих детей, будущее которых для меня дороже своей личной выгоды.

Образование имею среднее, с 1 октября 1899 года по 1920 год служил учителем начальной школы, каковую службу оставил лишь только потому, что в конце 19 года Белоруссия была занята поляками, которые прикрыли все школы, и я с семейством в 9 человек остался без всяких средств и принужден был поступить на службу служителем культа, чтобы иметь хотя самое скудное пропитание для исстрадавшейся семьи.

4 марта 1931 года я послал заявление в ЦИК Союза ССР о сокращении срока высылки, но никакого ответа не получил.

На основании изложенного сердечно прошу Вас обратить внимание на мое безвыходное положение, на сильную слабость здоровья, на мою тяжелую двадцатилетнюю службу на пользу народа и тяжелую жизнь в течение 13-ти месяцев по тюрьмам и походатайствовать об сокращении срока высылки на 1½ хотя года. До выяснения же этого вопроса прошу оказать мне материальную помощь высылкою необходимой теплой одежды и обуви и назначением ежемесячного пайка для пропитания. Не желая же оставаться безработным, прошу исходатайствовать мне где-либо в учреждении или предприятии работу по канцелярии (переписчика, счетовода и т<ого> п<одобное>).

3 января 1932 года.

Проситель Былинский П. П.

Адрес: п<очтовое> о<тделение> Шаманово
Братского района Иркутского окр<ода>
В<осточно>-Сиб<ирского> края, село Большая Када»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 744. С. 39-40. Автограф.